

В. А. Жуковский

О стихотворениях И. И. Козлова

В. А. Жуковский -- критик / Сост., вступ. ст. и коммент. Ю. М. Прозорова.-- М.: Сов. Россия, 1985.-- (Б-ка русской критики).

[OCR Бычков М. Н.](#)

Иван Иванович Козлов кончил болезненную жизнь спою. Около двадцати лет был он прикован к своей постели, слепой, неподвижный и беспрестанно страждущий; но, глубоко проникнутый смирением христианским, он переносил бедственную свою участь с терпением удивительным -- и божий промысл, пославший ему тяжкое испытание, даровал ему в то же время и великую отраду: поразив его болезнью, разлучившею его навсегда с внешним миром и со всеми его радостями, столь нам изменяющими, открыл он помраченному взору его мир внутренний, разнообразный и неизменный, мир поэзии, озаренный верою, очищенный страданием. Имея память необыкновенную (великое счастье для слепого), Козлов сохранил во глубине души все свое прошедшее; он жил им в настоящем и до последней минуты сберег всю свежесть и теплоту любящего сердца. Несчастье сделало его поэтом -- и годы страданий были самыми деятельными годами ума его. Зная прежде совершенно французский и италийский языки, он уже на одре болезни, лишенный зрения, выучился по-английски и по-немецки -- и все, что прочитал он на сих языках, осталось врезанным в его памяти: он знал наизусть всего Байрона, все поэмы Вальтера Скотта, лучшие места из Шекспира, так же, как прежде всего Расина, Тасса и главные места из Данта. Но лучшим и самым постоянным утешением страдальческой его жизни было то, что он с такою же верностью мог читать на память и все Евангелие, и все наши молитвы, столь спасительные в счастье, столь отрадные в печали. Таким образом жизнь его, физически разрушенная, при беспрестанном, часто мучительном чувстве болезни, была разделена между религиею и поэзиею, которые целебным своим вдохновением заговаривали в нем и душевные скорби, и телесные муки. Но он не был чужд и обыкновенной ежедневной жизни: все, что делалось в свете, возбуждало его участие -- и он нередко заботился о внешнем мире с каким-то ребяческим любопытством. С той самой поры, в которую паралич лишил его и ног и зрения, физические страдания его не только не умолкали, но, беспрестанно усиливаясь, в последнее время нередко доходили до крайней степени; они, однако, почти не имели влияния на его душу, которая всегда их побеждала, а в промежутках спокойствия действовала с юношескою свежестью. Только дней за десять до смерти сильные страдания успокоились, но вместе с ними как будто заснула и душа. Смерть подошла к нему тихим шагом; он забылся на руках ее, и жизнь его кончилась не приметно {До последней минуты он сохранил свою память; но связи уже не было в его мыслях. Перестав страдать, он чувствовал беспрестанно какое-то беспокойство, поминутно требовал к себе жену, дочь и сына: чего-то у них просил, успокоивался, получив от них ответ, и через минуту опять их кликал. Однажды, услышав мой голос, он подозвал меня, прочитал мне стих: *и мертвый страшен был лицом!* и прибавил: *вот что ты завтра здесь увидишь*. В последние два дня он не мог уже и говорить; наконец мало-помалу овладел им сон смертный. (Примеч. В. А. Жуковского.)}.

Поэтические произведения Козлова, плод вдохновения и страдания, известны нашим читателям. Многие из них ознаменованы печатью благородного дарования; прелесть многих заключается в том, что они с величайшей верностью выражают *правду*, состояние души глубоко страждущей, глубоко верующей и смиренной. Никто не мог читать их без нежного участия к поэту, который, открывая тайну своих страданий, в то же время и умилял нас, деля с нами те высокие утешения, кои почерпал во глубине поэтической души своей. Следующая молитва написана им весьма незадолго до смерти; это последний звук его арфы:

Прости мне, боже, прегрешенья
И дух мой томный обнови;
Дай мне терпеть мои мученья
В надежде, вере и любви.

Не страшны мне мои страданья,
Они залог любви святой;
Но дай, чтоб пламенной душой